

УДК 070(91)
ББК 83

К 200-ЛЕТИЮ Н.В. ГОГОЛЯ

Л.П. Громова

**НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР
(К ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ
БЕЛИНСКОГО С ГОГОЛЕМ)**

Двухсотлетний юбилей со дня рождения Н.В. Гоголя, поставивший на обсуждение общественности многие нерешённые вопросы сохранения литературного наследия писателя и памяти о нём, стал также поводом для углублённого обращения к текстам гоголевских сочинений, актуального их прочтения, поиска ответов на «вечные» проблемы русской жизни. Таким произведением, вызвавшим шквал противоречивых откликов при жизни писателя и несмолкающие споры после его смерти, являются «Выбранные места из переписки с друзьями», до сих пор остающиеся самым «спорным» сочинением писателя.

Ключевые слова: *Белинский, Гоголь, духовная проза, зальцбруннское письмо, западники и славянофилы, книга, переписка, полемика, публицистика, религия.*

Громова Людмила Петровна – докт. филол. наук, профессор кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: gromova_spb@mail.ru

Книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», ставшая его последней прижизненной публикацией, считается духовным завещанием писателя. Наиболее известным откликом на эту книгу является знаменитое зальцбруннское письмо В.Г. Белинского, не опубликованное при жизни автора и разошедшееся во множестве рукописных экземпляров, о котором, по свидетельству П. В. Анненкова, А.И. Герцен, присутствовавший при чтении письма в Париже, сказал: «Это – гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его» [Анненков, 1960, с. 363]. Оба эти сочинения были восприняты современниками как крамольные. Первое, представлявшее собой публицистический цикл писем, адресованных разным лицам (от светской женщины до духовного пастыря, от человека искусства до государственного деятеля), прозвучало как религиозная проповедь светского лица; письмо Белинского – как политический манифест. Писали, казалось бы, об одном: о неурядицах и неправде на Руси, где царят произвол и бесправие. Но если Гоголь, рассматривая неустройство жизни в нравственно-религиозном ключе, рисует идеальную утопию «небесного государства» для реальной чиновно-бюрократической России, где все «сословия» и «звания» должны выполнить свой долг, то Белинский, обрушив гнев на крепостничество, помещиков, духовенство, чинов-

ничество, предлагает социально-политическую утопию. Два подхода, две утопии. Но так ли непримиримы оппоненты в своём историческом диалоге? Обратимся к судьбе этой полемики.

Как это ни странно, книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшая в свет в 1847 г. и вызвавшая многочисленные, большей частью критические отклики при жизни писателя, после его смерти ушла в забвение. В советское же время в школьных и вузовских программах изучали лишь письмо Белинского к Гоголю, написанное по поводу этой книги, без знания самой книги, и изучение это носило односторонний заданно-идеологический характер, что привело к созданию штампов о революционности Белинского и мракобесии Гоголя. Сама же книга писателя продолжала оставаться в небытии, её идеи не были поняты и востребованы. Казалось бы, те времена миновали, духовная проза писателя введена в научный и литературный обиход, но продолжает оставаться ещё какая-то недосказанность и недопонятость в историческом диалоге двух великих современников.

Известно, что книга «Выбранные места из переписки с друзьями» явила современникам незнакомого, неведомого Гоголя, пережившего духовный и душевный кризис, сжегшего второй том «Мёртвых душ» и пытавшегося мучившие его сомнения и откровения донести до читателя, считая это своей писательской задачей. Судьба издания оказалась непростой. Цензурой не были пропущены 5 из 22 писем, представлявших важное значение для понимания смысла исповеди писателя: «Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России», «Что такое губернаторша», «Страхи и ужасы России», «Занимающему важное место»; в других же были сделаны купюры и искажены отдельные места. Писатель рассчитывал вскоре выпустить второе, полное издание, но его надеждам не суждено было сбыться. Выход книги вызвал огромный общественный резонанс, усилив полемику западников и славянофилов. По свидетельству С.П. Шевырёва, в течение двух месяцев «она составляла любимый, живой предмет всеобщих разговоров. В Москве не было вечерней беседы, разумеется, в тех кругах, куда проникают мысль и литература, где бы не толковали об ней, не раздавались бы жаркие споры, не читались бы из неё отрывки» [Москвитянин, 1948, с. 4]. Книгу безоговорочно осудили западники (Герцен, Грановский, Анненков, Боткин). Лишь Чаадаев при общей негативной оценке отметил в ней «страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» [Чаадаев, 1989, с. 314]. Неоднозначно книгу восприняли в славянофильском кругу: А.С. Хомяков защищал ее, в семье Аксаковых мнения разделились. На «Выбранные места...» откликнулись почти все газеты и журналы.

«Ревизией» своего жизненного и творческого пути, определяя на склоне лет духовные и художественные ценности, занимались впоследствии и другие великие писатели (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), избрав для этого публицистический способ общения с читателем. Но, несмотря на многоголосые споры современников вокруг позднего Достоевского или позднего Толстого, они никогда не приобретали столь ожесточённого характера, который задал полемике с Гоголем Белинский.

Одним из первых в февральском номере «Современника» он выступил с рецензией, подвергнув критическому разбору новое сочинение писателя. В заключительной части статьи он писал: «Горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение, после которого не всегда бывает возможно возвращение на прежнюю дорогу [Белинский, 1982, т. 8, с. 238 – 239]. Написанная Белинским рецензия, несмотря на осторожность автора, подверглась правке и сокращению как со стороны редакции, так и со стороны цензуры. Не удовлетворённый вышедшим вариантом, критик писал своему другу В.П. Боткину 28 февраля 1847 г.: «Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошою, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству» [Белинский, 1982, т. 9, с. 623]. Вполне этим чувствам он смог предаться в «Письме к Гоголю» из Зальцбрунна от 15 июля 1847 г., которое стало апофеозом неприятия книги. А пока, следя за развернувшейся полемикой вокруг «Выбранных мест...», с удовлетворением сообщал Боткину в письме от 15 – 17 марта: «Книга Гоголя как будто пропала, – и я немного горжусь тем, что верно предсказал (не печатно, а на словах) её судьбу» [Там же, с. 633].

В результате критических выступлений в целом к «Выбранным местам...» создалось неблагоприятное общественное мнение. Эти отклики настигли Гоголя в дороге, в мае 1847 г. он из Неаполя отправился в Париж, затем в Германию. Гоголь не может прийти в себя от полученных ударов и, отказавшись от второго издания книги, предпринимает попытку литературного объяснения в «Авторской исповеди», которая была написана им летом 1847 г. Подводя итог прошедшей полемики, он констатирует: «Все согласны в том, что ещё ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как "Выбранные места из переписки с друзьями". И что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе ещё ни в какой литературе, предметом толков и критик стала не книга, а автор» [Гоголь, 1992, с. 280]. Он указывает на предубеждение и раздражение критиков, сила которых «была так велика, что даже разрушила все те приличия, которые доселе ещё сохранялись относительно к писателю. Почти в глаза автору стали говорить, что он сошёл с ума,

и приписывали ему рецепты от умственного расстройства». Но более всего Гоголя ранят заявления, что в его книге «нет ничего нового, что же и ново в ней, то ложь, а не истинно». Свой труд он называет «исповедью человека, который провёл несколько лет внутри себя» [Там же, с. 285 – 286].

Познакомиться с «Авторской исповедью», опубликованной впервые в 1855 г., оппоненты Гоголя смогли лишь после смерти писателя. К тому времени уже не было в живых и главного критика, к которому в первую очередь было обращено это литературное объяснение. Письма Гоголя Белинскому, явившиеся его ответами на рецензию критика в № 2 «Современника» за 1847 г. и затем на его зальцбруннское письмо от 15 июля 1847 г. стали достоянием читающей публики лишь в 1855 г., когда в «Полярной звезде» (Кн. 1) под заголовком «История русского развития. Переписка Н. Гоголя с Белинским» А.И. Герцен впервые опубликовал получившее к тому времени известность «Письмо Белинского к Гоголю» и два письма Гоголя к Белинскому: отклик Гоголя на рецензию критика в журнале «Современник» и написанное уже по поводу зальцбруннского письма Белинского, предварив публикацию небольшим «Примечанием», напомнившим историю вопроса. «Давая новую гласность этим письмам, – писал Герцен, – всякая мысль осуждения и порицания далека от нас. Пора нам смотреть на гласность глазами возмужалого. Гласность – чистилище, из которого память умерших переходит в историю, в единственную жизнь за гробом» [Герцен, 1957, т. 12, с. 275]. Однако современникам так и не суждено было узнать о письме, отразившем первую реакцию писателя на послание Белинского из Зальцбрунна. Написанное в конце июля – начале августа 1847 г., оно было разорвано писателем, и вместо него послано более сдержанное и короткое (от 10 августа). Сохранившиеся черновые варианты уничтоженного письма позволяют почувствовать и понять негодование писателя, потрясённого несправедливостью многих упрёков, они содержат развернутые и убедительные ответы по всем пунктам обвинения. В частности, обращаясь к вопросу об отношении к церкви, Гоголь писал: «Вы отделяете церковь от <Христа и> христианства, ту самую церковь, тех самых <...> пастырей, которые мученической <своей смертью> запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них <...> <Не>льзя, получа лёгкое журнальное образов<ание, судить> о таких предметах» [Гоголь, 1984, т. 8, с. 322 – 323]. Ушла в прошлое острота спора, и прошедшие эпохи позволяют по-новому посмотреть на «истинное» в мнениях и внимательнее вчитаться в более поздние оценки участников той далеко не литературной полемики. Спустя почти три десятилетия, работая над литературными воспоминаниями «Замечательное десятилетие. 1838 – 1848» в середине 70-х гг. и обращаясь к анализу прошлых баталий,

Анненков рассматривает их уже в контексте новых исторических воззрений и во многом корректирует устоявшиеся мнения. Это касается, в частности, взглядов позднего Белинского, он сравнивает его с «потухшим вулканом», огонь которого тлится «под корой наружного спокойствия». По словам Анненкова, в 1847 г. «Белинский начинал уже бояться самого себя, бояться тех ещё не поработанных сил, которые в нём жили и могли при случае, вырвавшись наружу, уничтожить сразу все плоды прилежного лечения» [Анненков, 1960, с. 343]. Занятый «новой правдой, провозглашаемой экономическими учениями, которая упраздняла все представления старой, отменяемой правды о нравственном, добром и благородном на земле и ставила на их место формулы и тезисы рассудочного характера», Белинский начинал думать, что «следовало бы и в русской литературе установить коренные точки на европейские дела», усилив её связь с общественной жизнью. Его западничество развивалось в русле «потока политических и социальных идей, в который брошены теперь цивилизация и культура Европы» [Там же, с. 344]. Белинский этого времени, по определению Анненкова, «удалился от кружкового настроения <...> упразднил в себе все закоренелые, почти обязательные ненависти, которые считались прежде и литературным и политическим долгом» [Там же, с. 345].

Анненков отмечает, что «Белинский по временам обнаруживал мрачный взгляд на свою прошлую литературную жизнь» [Там же, с. 346], считая, «что пришло время для литературы взять на себя всю ту работу, которую другие деятели откладывали именно под предлогом безвременья, и произвести за них тот следственный процесс над старыми условиями русского существования, какой должен предшествовать окончательному их устранению и осуждению» [Там же, с. 353]. Напомнив, что Белинский в выступлениях 1847 г. становился иногда и сторонником правительства, Анненков делает вывод, что «все намерения Белинского в этом случае скорее можно назвать *консервативными* в обширном смысле слова, чем революционными, как прославляли их потом соединённые враги печати и реформ в строе русской жизни», что прозвище «революционера и демократа» он получил «у своих, ему современных, и у позднейших врагов, которым одинаково полезно было распространять эту репутацию» [Там же, с. 353 – 354]. И ещё одно очень важное наблюдение Анненкова, во многом объясняющее характер «огненной лавы гнева, упрёков и обличений» [Там же, с. 345] «Письма Белинского к Гоголю»: «Ни одно из его увлечений, ни один из его приговоров, ни в печати, ни в устной беседе, не дают права узнавать в нём, как того сильно хотели его ненавистники, – любителя страшных социальных переворотов, свирепого мечтателя, питающегося надеждами на крушение общества, в котором живёт. Те вспышки Белинского, на которые указывали диффаматоры его для подтвержде-

ния своих слов, всегда были произведением ума и сердца, обиженных в своём нравственном существе, в своей *идеалистической* природе» [Там же, с. 354].

«Обиды ума и сердца» «неистового Виссариона», вызвавшие столь гневную вспышку критика в связи с выходом «Выбранных мест...», объяснялись отказом писателя от своего прежнего творчества, с которым Белинский связывал «натуральную школу» как литературное направление и Гоголя как её основоположника. Таким образом, Гоголь новой книгой лишал литературное направление знамени, разрушал литературно-теоретическую концепцию, построенную критиком на имени писателя. И хотя он сам иногда признавал зыбкость этого основания, но не мог отказаться от него во имя необходимости развития обоснованного им литературного направления. Так, в письме К.Д. Кавелину (от 22 ноября 1847 г.), отвечая на его возражение о причислении Гоголя к натуральной школе, он пишет: «Насчёт Вашего несогласия со мною касательно Гоголя и натуральной школы я вполне с Вами согласен, да и прежде думал таким же образом. Вы, юный друг мой, не поняли моей статьи (имеется в виду «Ответ "Москвитянину"», написанной в ходе полемики «Современника» со славянофилами. Сложность ситуации заключалась в том, что после «Выбранных мест...» Гоголь оказывался ближе славянофилам, нежели кругу «Современника», который представлял натуральную школу. – Л.П.), потому что не сообразили, для кого и для чего она писана. Дело в том, что писана она не для Вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы <...> всё, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того, чтобы отводить их от неё» [Белинский, 1982, т. 9, с. 682]. Белинский продолжает защищать в печати *гоголевское* направление (натуральную школу) и после отречения Гоголя от него. Однако в полемике с самим писателем он беспощаден. По мнению критика, писатель изменил своему таланту, предлагая вместо этого проповедь «кнута, невежества, обскуратизма и мракобесия». Беспощадно-полемический тон письма, не связанного цензурными ограничениями, свидетельствовал о глубокой уязвлённости Белинского, оскорблённого в идеалах и напомнил современникам о прежних полемических выступлениях «неистового Виссариона», которыми он славился в спорах с оппонентами в 40-е гг. С присущей ему категоричностью Белинский обвинил писателя в «умственном расстройстве», в стремлении того «попасть в наставники к сыну наследника», в неискренности и даже в самом праве на сомнение и выбор жизненного пути. Но если опустить запальчивость и возмущённый тон, а обратиться к сути упреков, то так ли непримиримы оппоненты? И так ли справедлив критик в выводах, особенно если учесть, что и сам он не избежал «ревизии» своего твор-

чества? «Что я сделал? – признался он как-то Анненкову во время путешествия по Европе в 1847 г. – Вот хотел закончить историю русской народной поэзии и литературы, да теперь и думать нечего. А может, кто-нибудь тогда и вспомнил обо мне, а что теперь?». Белинский в это время, продолжает Анненков, оценивал всё написанное им как «две-три статьи, в которых ещё половина занята современными пустяками, уже и теперь никому не нужными <...>. Выходило, что человек, пользующийся большой популярной известностью, обременённый, так сказать, сочувствиями целого поколения, им воспитанного, ещё считает себя призраком в истории русской культуры и не убеждён в достоинстве той монеты, на которую куплено его влияние и слава» [Белинский, 1982, т. 9, с. 347].

Полемика Белинского и Гоголя явилась одной из ветвей споров западников и славянофилов в 1840-е гг., суть которой очень выразительно сформулировал Герцен в «Былом и думах»: «Да, мы были противниками, но очень странными. У нас была одна любовь, но *неодинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчётное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей всё существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орёл, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*» [Герцен, 1956, т. 9, с. 170].

В контексте этого признания становится понятнее суть расхождений и точки соединения взглядов в историческом споре Белинского и Гоголя. Любопытно, что в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» критик фактически выступил арбитром в споре западников и славянофилов, отвергнув крайности воззрений тех и других: приверженность к старине славянофилов и космополитизм западников. Признание Белинским народности и национальности, исповедуемых славянофилами, приводило порой к упрёкам со стороны единомышленников-западников. Так, в письме К.Д. Кавелину Белинский оправдывался: «Вы обвиняете меня в славянофильстве. Это не совсем неосновательно; но только и в этом отношении я с Вами едва ли расхожусь. Как и Вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и Вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю их, как неопровержимые доказательства» [Белинский, 1982, т. 9, с. 682]. Гоголь вслед за славянофилами посмел в своей книге «употребить» печатно эти «неопровержимые доказательства», вызвав тем самым град обвинений со стороны Белинского.

Гоголевская апология России, утверждение её мессианской роли в мире опираются не на внешние благоустройства, а на духовные начала национального характера. Его взгляд на Россию – это, прежде всего, взгляд христианина, сознающего, что все материальные богатства

должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней. В этом – центральная гоголевская идея и вечный соблазн оппонентов писателя для упрёков его в великодержавном шовинизме: якобы Гоголь утверждает, что Россия стоит впереди других народов именно в смысле более полного воплощения христианского идеала. Обвиняя писателя в незнании России, Белинский вопрошает: «...но Христа-то зачем Вы при-мешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православную церковь?» [Белинский, 1982, т. 9, с. 283]. По Гоголю, залог будущего России отнюдь не в особых духовных богатствах, которыми наделён русский человек по сравнению с другими народами, а, напротив, в осознании им своего неустройства и в тех огромных возможностях, которые присущи России как сравнительно молодой христианской державе. Эта идея высказана писателем в заключительной главе «Светлое Воскресение» со всей определённой ясностью: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь ещё неустроенней и беспорядочней всех их. "Хуже мы всех прочих" – вот что мы должны говорить о себе» [Гоголь, 1984, т. 8, с. 277].

Необходимо заметить, что, вероятно, сама книга «Выбранные места из переписки с друзьями» не появилась бы, если бы не было огромного расстояния, отделявшего высокие христианские идеалы и реальное состояние российского общества. Собственно, это вопиющее несоответствие и подвигло Гоголя выступить всенародно с христианской проповедью в виде литературного сочинения. Разрешая вопрос «Как бы убежать из России?» (глава «Страхи и ужасы России»), Гоголь спрашивает «Но куды бежать?» и, высказывая надежду, что потенциальные возможности России позволят ей прежде других стран прийти к осуществлению христианского идеала братской любви, продолжает: «Что же касается до страхов и ужасов в России, то они не без пользы: посреди их многие воспитались таким воспитаньем, которого не дадут никакие школы <...> Ещё пройдёт десяток лет, и вы увидите, что Европа придёт к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках» [Там же, с. 190].

Современное состояние России не могло удовлетворить ни одного, ни другого оппонента, оба они сознавали необходимость перемен. Но если Белинский видит выход в европейском развитии и проведении социально-экономических преобразований («Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»), то Гоголь, понимая, что экономические и политические реформы возможны лишь на основе духовного роста человека, озабочен прежде всего нравственным состоянием общества. Всю неправду существования общества с

его устремлённостью к материальным благам, мелочностью и суетой жизни он видит в отдалении от Церкви. Единственную возможность духовного возрождения и процветания России он связывает с её воссоединением с Церковью. В письме «Нужно любить Россию», обращённом к графу А.П. Толстому, Гоголь пишет: «Без любви к Богу никому не спастись, а любви к Богу у вас нет. <...> Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России [Там же, с. 135]. Лейтмотивом сочинения Гоголя является мысль о необходимости «сделать теперь пользу России». Развивая мысль о разных поприщах служения России, он говорит о том, что все они могут совершаться лишь на основе нравственного самосовершенствования и приходит к выводу: «Монастырь ваш – Россия! <...> Она зовёт теперь сынов своих ещё крепче, нежели когда-либо прежде. <...> Вспомните, что когда приходила беда ей, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать её» [Там же, с. 137]. По мнению Гоголя, Россия нуждается прежде всего в нравственном спасении, а влияние религии должно сказаться в смягчении нравов. И тогда люди, не дожидаясь внешних перемен, данных сверху властью, сами смогут изменить многое в жизни, что неизбежно приведёт к совершенствованию внешних форм. Нравственное совершенствование, служение ближнему и путь к Богу – это для Гоголя, по существу, одно и то же.

Белинский противопоставляет гоголевской логике уже имеющиеся достижения европейской цивилизации: гражданские свободы, права человека, просвещение, законы и их исполнение. Однако критик пишет о желаемых результатах в социальной, политической и экономической жизни и не говорит о путях их достижения. Гоголь же предлагает путь нравственного совершенствования, призывает всецело сосредоточиться на этом вопросе, что поможет усовершенствовать жизнь российского общества.

Вопрос о религиозном будущем народа, являющийся центральным в книге, вызвал самую резкую отповедь Белинского: «По-Вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почёсывая себе задницу <...>. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нём ещё много суеверия, но нет и следа религиозности» [Белинский, 1982, т. 8, с. 284]. Однако нападая на Церковь (особенно яростно на православную), Белинский вовсе не отрекается от веры в Христа: «Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться уже всё равно и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в

груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей, – тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. <...> Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени» [Там же, 287].

Несмотря на то, что оба они вели речь о влиянии христианства на жизнь человека, а значит и на будущее общества, место и значение религии они видели по-разному: Белинский считал это личным делом каждого, Гоголь – потребностью и необходимой средой существования русского человека. В этом, как и в отношении к народности, Гоголь был близок славянофилам. Однако в понимании этого отношения также нельзя обойтись без религиозного фактора. «Теперь в моде слова: *народность* и *национальность*, – писал Гоголь графине А.М. Вильегорской. – Что такое значит сделаться *русским* на самом деле? В чём состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая всё ей чуждое, неприличное и несвойственное? <...> Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское <...> Хорошо возлелеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере» [Гоголь, 1984, т. 8, с. 300 – 301]. Размышления Гоголя о национальном характере русского народа и его историческом предназначении являются своего рода вершиной «Выбранных мест...». Анализируя русскую идею в творчестве писателя, современный исследователь пишет: «С Гоголя начинается религиозно-нравственный характер русской литературы, её мессианства <...> Размышления о путях развития России, а значит, и о русской национальной идее, которая, безусловно, оказывает большое влияние на выбор одного из таких путей, стали одной из основных тем русской философии XIX и XX веков» [Монахова].

Одна из постоянных мыслей Гоголя в его стремлении к духовному совершенствованию – необходимость «построиться» внутренне. В неотправленном письме Белинскому он писал: «Брожение внутри не исправить никаким конституциям. <...Общест>во образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини<ца> исполнила долж<ность свою>. <...> Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он хоть ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идёт в порядок и зе<мое> гражданство» [Гоголь, 1984, т. 8, с. 326]. Но как помочь человеку «построиться»? Как повернуть душу человека к благу, чтобы вследствие этого не было ни уродливых отношений, ни антигуманных законов? Эту задачу Гоголь пытался решить в тех условиях, в которых находилась тогда Россия. В условиях крепостного права, казалось бы,

не до нравственного роста. Но и в этой ситуации писатель находит возможность возрождения и развития. Для этого, по его мнению, нужно жить по принципу: кому много дано, с того много и спросится. Утопия Гоголя одним современникам показалась нелепой и смешной, Белинскому – реакционной и вредной. Но знание дальнейшего хода развития России (с убийствами царей, революциями, гражданскими войнами, воинствующим атеизмом) заставляет иначе посмотреть на эту утопию.

«Россия, – отвечал Белинский – видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, сколько веков потерянного в грязи и неволе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение» [Белинский, 1982, т. 8, с. 282]. Гневный пафос Белинского, однако, не противоречит тому, о чём пишет Гоголь: «Много злоупотреблений; завелись такие лихоимства, которых истребить нет никаких средств человеческих. Знаю и то, что образовался другой незаконный ход действий мимо законов государства и уже обратился почти в законный, так что многие законы остаются только для вида» [Гоголь, 1992, с. 196]. Одной из причин этого положения он считает то, что «законы собственно гражданские выступили из пределов и ворвались в области, им не принадлежащие» [Там же, с. 211]. Случилось это, по мнению Гоголя, потому, что «мода подорвала обычаи», а духовенство «оставило на произвол все частные отношения каждого человека в его частном быту» [Там же, с. 211]. Утрата Бога, утрата привычки к честному труду «для пользы России» привела общество к запустению. Писатель говорил о нравственном росте человека не только как о том, что ценно само по себе, но как о необходимой основе для преобразования общества.

Справедливые права и законы и строгое их выполнение – это и есть те самые «правильные отношения между людьми» и «пределы законные всему», к которым стремились и Гоголь, и Белинский. Но для Белинского это лишь положительный пример из чужой истории и желанная мечта, к которой нужно стремиться. Для Гоголя – это путь, движущей силой на котором является религия.

Один из упрёков, предъявленных Гоголю после выхода книги, – это упрёк в падении художественного дарования. Так, в «Письме к Гоголю» Белинский в запальчивости утверждал: «Какая это великая истина, что, когда весь человек отдаётся лжи, его оставляют ум и талант! Не будь на Вашей книге выставлено вашего имени и будь из него выключены те места, где Вы говорите о самом себе как о писателе, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз – произ-

ведение пера автора «Ревизора» и «Мёртвых душ»?» [Белинский, 1982, т. 8, с. 287]. В «Выбранных местах...» в яркой публицистической форме, в лучших традициях духовной публицистики (жанров проповеди, исповеди, посланий) Гоголь поставил глубочайшие вопросы русской жизни, которые Достоевский назвал «проклятыми» и которые развивал затем в публицистике в русле почвеннических воззрений.

Исследователь К. Мочульский писал, что Гоголю было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: её религиозно-нравственный строй, её гражданственность и общественность, её боевой и практический характер, её пророческий пафос и мессианство» [Мочульский, 1934, с. 32].

Русская литература, которая, по Белинскому, предназначена была выполнять общественную функцию, в лице Гоголя заявила о новом явлении художественной и религиозно-публицистической мысли, оценить которое критик не смог – то ли по идейному предубеждению, то ли из-за непонимания, учитывая неполноту и искажения цензурой опубликованного текста. Как бы то ни было, несмотря на явную противоречивость по многим взглядам, к выводам они пришли разным. Может быть, утопичность и есть свойство общественного сознания, которое стремится определить путь будущего развития. Но очевидно, что утопичность эта корректируется историческим опытом, который обогащается такими образцами поучительного публицистического, проповеднического и даже пророческого слова, какими являются «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и ответ на него – «Письмо к Гоголю» В.Г. Белинского.

Литература

1. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1960.
2. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1982.
3. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1956–1957.
4. *Гоголь Н.В.* Духовная проза. М., 1992.
5. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1984.
6. *Монахова И.* «Начала братства Христова». Русская идея в творчестве классика // Лит. газета. 2008. 26 ноября – 2 дек.
7. Москвитянин. 1848. № 1.
8. *Мочульский К.* Духовный путь Гоголя. М., 1934.
9. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М., 1989.